

„Вечерняя Москва“

2 фев. 1974г.

В. КОНКИН:

САМ выбор меня на роль Корчагина произошёл не сразу: сначала я был в этом фильме Цветаевым, потом Лещинским...

И съёмки стали трудной борьбой между романтической приподнятостью мизансцен и предельно бытовой логикой поступков. Исполненными пафоса ракурсами, ведущими к мысли, что Корчагин — символ Революции, — и постоянным желанием «заземлить» образ, во имя того, чтобы на место литературного героя поставить живого человека.

Корчагин стал для меня слишком щедрым на-

чалом: ему трудно подобрать продолжение. Вот сейчас я снимаюсь в «Романсе о влюблённых». Хорошая роль. Но, увы, того же, корчагинского плана. Только поменьше... И даже не брежит острохарактерная роль: или бытовая, или «отрицательная». Может быть, дело в том, что проще использовать уже найденное? Вернее, надежнее... Есть понятие «судьба фильма». А «судьба актёра»? Многие ли режиссеры, как Т. Лиознова, «рискнут» дать Шеленберга О. Табакову? И пусть спорят о результате. Но здесь присутствует, по-моему,

очень важное: неизбежность эксперимента

В театральных училищах студентов, вне зависимости от предлагаемого «амплуа», заставляют для накопления мастерства играть самые различные роли: сегодня в трагедии — завтра в водевиле. В кино это все-таки редкость. Не случайно не в театре, а именно в кинематографе бытует понятие «типаж». Правильно ли это?

Опасаясь, что сыграю огромное количество похожих ролей. И самое страшное будет даже не то, что я не состоюсь, как актёр. А то, что растаскую своего Пазку...